

Енина Л. В. Почти «прямой маршрут»: идеологические смыслы в конструировании заводской идентичности работников Уралмаша / Л. В. Енина, Н. Б. Граматчикова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 31—52. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-31-52.

Enina, L. V., Gramatchikova, N. B. (2020). Almost “Direct Route”: Ideological Meanings in the Construction of the Factory Identity of Uralmashplant Workers. *Nauchnyi dialog*, 11: 31-52. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-31-52. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:334.716.4-057.51(470.54-25)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-31-52

ПОЧТИ «ПРЯМОЙ МАРШРУТ»: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ В КОНСТРУИРОВАНИИ ЗАВОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РАБОТНИКОВ УРАЛМАША¹

© Енина Лидия Владимировна (2020), orcid.org/0000-0003-2073-9948, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), Enina.lidia@gmail.com.

© Граматчикова Наталья Борисовна (2020), orcid.org/0000-0002-2585-7399, ResearcherID T-5823-2017, ScopusID 57189445810, SPIN 8460-0578, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра истории литературы, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия), n.gramatchikova@gmail.com.

Статья посвящена исследованию заводской идентичности на материале автобиографических текстов работников Уралмаша, написанных в 1967—1984 годы. Новизна исследования заключается в теоретическом подходе к идентичности как дискурсивному концепту, который структурирован систематически повторяющимися темами в личных нарративах. Основное внимание уделяется идеологическим смыслам в автобиографических текстах. Установлены их ритуальная и интегративная функции, реализующиеся в анализируемых текстах. Показана ведущая роль идеологических смыслов при описании строительства завода и конструировании образа врага и исходящей от него угрозы для завода и коллектива. Рассматриваются способы включения в тексты воспоминаний темы жертв политического насилия в 1930-е годы и восстановления их имен в заводской биографии. Доказывается, что введение темы жертв политических репрессий, а также ритуальных формул идеологической лояльности, воспроизводимых наивными авторами с невольными искажениями и отклонениями от норм письменной литературной речи, имеет своим результатом, кроме прочего, «коррозию» советского официального дискурса и является одним из факторов, которые привели к «перформативному сдвигу», характерному для позднесоветской эпохи. Проанализированный текстовый материал ранее не выступал объектом исследования.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00553А «Первостроители как перформативный проект: конструирование дискурсивной идентичности уральских рабочих в текстах 1930-х и 1970-х».

Ключевые слова: идентичность; идентификация; дискурсивные практики; автобиографический текст; Уралмаш.

1. Предисловие

Вынесенная в заголовок метафора «прямой маршрут» была выбрана, чтобы подчеркнуть сопоставление текстов Фонда первостроителей Уралмаша с книгой Евгении Гинзбург «Крутой маршрут». Эта книга — одна из немногих в советской литературе, которая описывает тяжелый опыт пребывания в сталинских тюрьмах и лагерях. Когда читаешь «Крутой маршрут», невольно обращаешь внимание на то, что автор, описывая многих и многих встреченных на своем пути, указывает, являются ли они большевиками (коммунистами) или беспартийными; что для автора съезды партии становятся вехой в личной истории. Кроме того, собственная принадлежность к партии подчеркнута в авторском предисловии — воспоминаниях «рядовой коммунистки» [Гинзбург, 1990, с. 4]. Мы столкнулись с таким же способом характеристики заводчан, начав изучать написанные примерно в то же время, что книга Гинзбург, воспоминания работников Уралмашзавода. Судьбы этих заводчан можно назвать счастливыми — они выжили в революционные катаклизмы и годы Великой Отечественной войны, их миновали политические репрессии, поэтому нельзя сказать, что они прошли «крутой маршрут» Евгении Гинзбург, их маршрут по партийной дороге выглядит «прямым». Можно принять за дань времени одинаковые идеологические клише в таких разных автобиографических историях. Но при многократном перечитывании текстов фонда мы обнаружили, что включения идеологических смыслов имеют свою неявную закономерность во внутреннем пространстве текстов. В этой статье мы предлагаем свое исследовательское видение обращения к идеологическим смыслам, их роли в письменных воспоминаниях работников завода «Уралмаш».

2. Заводская идентичность: подход к исследованию

Проблема исследования идентичности решается лингвистами по-разному. Мы будем исходить из конструктивистского понимания идентичности [Бергер, 1995; Брубейкер, 2012; Лаппо, 2013]. Идентичность прежде всего рассматриваем как феномен, формирующийся в дискурсе и вследствие этого имеющий динамический, «плавающий», постоянно воссоздаваемый характер. Исследователи дневникового письма давно сказали, что «одна из особенностей дневниковых практик именно в том и состоит, что в ней (может быть, в большей степени, чем в других жанрах) идентичность постоянно (ре/пере/де) конструируется в процессе письма. Нарративное

я — это субъект в процессе; оно никогда не готовое; оно расщепленное, изменчивое, противоречивое. Дневник — не способ самоописания, а средство самописания, “воспроизводства себя” [Савкина, 2008, с. 288]. Изменчивость, противоречивость, политематичность (само)идентификаций присутствуют не только в дневниках, но и в других автобиографических жанрах, сосредоточенных на изложении своей версии прожитого. Мы будем пользоваться понятием «идентификация», чтобы акцентировать внимание на множественности и незаконченности процесса конструирования идентичности [Голубев, 2016; Козлова, 2005; Сандомирская, 2013 и др.]. Принципиальными положениями для исследования являются как несводимость идентификаций к непротиворечивой целостной идентичности индивидуального или коллективного субъекта, так и отказ рассматривать идентификации только в свете оппозиции «свой — чужой». Применительно к автобиографическим текстам это означает, что мы видим идентичность как дискурсивный концепт, включающий в себя многообразие тематических направлений идентификации [Енина, 2016]. Подчеркнем, что дискурсивный концепт мы отличаем от концепта как элемента когнитивного пространства, индивидуального или коллективного [Красных, 2002], как части языковой картины мира [Шмелев, 2002]. Дискурсивный концепт формируется и существует в определенном дискурсе. При анализе дискурсивного концепта не выявляется связь с ментальными структурами биографического автора.

Основной теоретический подход к нашему исследованию связан с дискурс-анализом. Мы опираемся на понимание дискурса как относительно устойчивого поля смыслов и знаков, упорядочиваемых группами дискурсивных практик. Такое понимание дискурса лежит в концепции дискурса, предложенной Мишелем Фуко [Фуко, 1996]. Одним из важнейших понятий в его концепции является понятие дискурсивных практик, которое позволяет подчеркнуть, что речь идет о включенности индивидов в процесс коммуникации, что это всегда практические действия, совершаемые по сформулированным или неписанным правилам, даже не всегда осознаваемым. Дискурсивные практики фиксируют способы передачи актуальных смыслов в текстах. Главные свойства дискурсивных практик в любом дискурсе — повторяемость, стабильность и наиндивидуальность [Чепкина, 2011].

Конструирование дискурсивной идентичности рассматривается на материале автобиографических текстов о строительстве Уралмаша, которые по инициативе Музея истории Уралмашзавода собирались в течение 1967—1984 годов и теперь хранятся в нем под названием «Фонд первостроителей Уралмаша», являясь частью Фонда воспоминаний работников

УЗТМ [Фонд...]. Авторы воспоминаний — работники Уралмашзавода — люди, различающиеся происхождением, образованием, профессией и социальным статусом; профессиональных литераторов среди них нет. Большинство авторов текстов ориентировались на специально разработанную «Анкету участника строительства Уралмашзавода период 1928—1934 г.г.»; подробнее об анкете см.: [Грамагичкова и др., 2020].

Совокупность текстов Фонда первостроителей Уралмаша выступает нашим объектом исследования и рассматривается как дискурс, в котором посредством личных нарративов конструируется заводская идентичность уралмашевцев. Тематика автобиографических нарративов множественна: есть стабильно повторяющиеся темы — идеологическая, профессиональная, темпоральная и пространственная¹. Эти тематические направления структурируют выделенный дискурсивный концепт «заводская идентичность». В отдельных текстах появляются темы семьи, бытового устройства района (соцгорода) «Уралмаш», досуга и некоторые др. Эти темы также важны для (само)идентификации авторов, но их позиция для дискурсивного концепта заводской идентичности — периферийная.

Завершая характеристику теоретических оснований, подчеркнем, что наше исследование выполняется в русле отказа от фактологического или биографического прочтения автобиографических текстов: мы не выявляем достоверность сведений и не обращаемся к другим документам для установления жизненной траектории авторов.

3. Ритуальная функция идеологических практик

Для заводской идентичности активность практик идеологической идентификации возможно объяснить тем, что в позднесоветский период формулы официального советского дискурса стали выполнять ритуальную функцию — обязательное воспроизведение речевых действий в определенной ситуации. Так, А. Юрчак, отталкиваясь от мысли Дж. Остина, что в любом высказывании присутствует две составляющих — констатирующая и перформативная, утверждает, что в позднесоветский период употребление формул советского дискурса и необходимое цитирование лидеров КПСС большей частью выполняло ритуальную перформативную функцию, одновременно создавая и поддерживая идеологическую реальность [Юрчак, 2014, с. 164; Енина, 2019].

В текстах воспоминаний маркерами идеологических смыслов выступают прямые идентификаторы (член партии, коммунист, комсомолец), со-

1 Роль темпоральных и пространственных идентификаций в конструировании заводской идентичности раскрыта в статье: [Грамагичкова и др., 2020].

ветская терминология (социализм, коммунизм, стахановец), имена партийных деятелей (Ленин, Орджоникидзе, Куйбышев), цитаты из речей лидеров партии и советских газет, демонстрация классовых характеристик или партийных должностей коллег.

В нашем дискурсе ритуальная перформативная функция идеологической (само)идентификации особенно заметна по текстам освобожденных профсоюзных и партийных работников, так как они имели большой опыт публичных выступлений и хорошо владели официальным языком. Некоторые из них передали в музей тексты своих докладов на заводских собраниях или свои публикации, подготовленные к юбилейным датам для местных газет. Эти тексты максимально приближены по смыслу и по форме к официальному советскому дискурсу. Так, Н. Г. Калюш, который называет себя «главный технический инспектор профсоюза рабочих машиностроения», пишет: *Наша бригада <...> первая из всех бригад электромонтажной группы объявила себя ударным коллективом «Октябрь», взяв повышенные производственные обязательства, повышение квалификации всех членов коллектива, повышения своей культуры. Вот, что писала заводская многотиражная газета «Сталинец» (впоследствии переименованная «За уральский блюминг», а затем «За тяжелое машиностроение* [Калюш, 1969, с. 1]. Затем он цитирует строки из газеты, описывающие взятые на себя бригадой обязательства, завершая эту часть текста словами: *Вот так мы работали, так жили, так боролись за трудовую дисциплину, за повышение наших знаний, за укрепление нашей Родины!* [Там же, с. 2]. Включенная в автобиографию газетная статья придает достоверность словам автора и одновременно производит перформативный эффект — ритуально поддерживает идеологическое соответствие трудовых достижений целям Родины. Ритуальность идеологических смыслов подчеркивается и тем, что они присутствуют в первой композиционной части автобиографических текстов и в некоторых случаях завершают текст. Расположение идеологических смыслов в сильных позициях текста говорит о дискурсивной освоенности авторами правил построения публичных текстов.

Большой интерес для нас представляют тексты, написанные менее искусственными в политических речах авторами, потому что в таких текстах формулы официального дискурса соседствуют или взаимодействуют с практиками повседневной речи.

Многие исследователи обращаются к изучению сложившихся способов субъективации «советского человека» [Сандомирская, 2001; Ушакин, 2013; Фитцпатрик, 2008; Штудер, 2011 и др.]. Одним из таких способов (само)идентификации, распространившимся в 1930-е годы, стало под-

тверждение не только своей партийной принадлежности, но и своей идеологической состоятельности, верности Партии. Очевидно, что практика (само)идентификации по идеологическому основанию требуется при ответе на вопросы предложенной анкеты, и прямые идентификаторы выполняют (само)описательную функцию для авторов текста, которая сопрягается с положительной ценностной характеристикой. Например, С. Н. Сомов озаглавил свои воспоминания так: *Как я стал членом Коммунистической партии*. Однако фактически заданной теме посвящен один абзац из текста длиной в три школьных тетради: *В 1919 году на дивизионном собрании я был принят в члены партии... с тех пор я и связал свою жизнь с коммунистической партией и кодексом моей жизни было и есть всегда — служение ей, выполнение верным членом партии всех задач возложенных на меня* [Сомов, без даты, с. 24]. Здесь фиксируется присоединение к символическому целому и переход к новому, в том числе моральному, измерению своей жизни.

Идеологическая идентификация позволяет дискурсивно выделить человека из потока памяти о профессиональном окружении: *Депо железнодорожного цеха находилось у 3-го километра. Здание построенное из плаха и теса, паровозы были старые, отоплялись углем. Начальник депо был Кац не помню его имя, а начальник ж-д отдела был старый коммунист 1919 г, участник гражданской войны тов. Андрюхин* [Чернов, 1981, с. 2]. Интересно, что автор на самом деле не называет имен обоих работников, но старого коммуниста память высвечивает ярче.

Отсутствие идеологической однородности маркируется, но при этом не становится негативной характеристикой для коллег, профессиональная близость оказывается важнее: *Смена наша токарей была комсомольская, правда мастер был б/п (беспартийный. — Л. Е., Н. Г.)* [Аникеева, 1968, с. 4].

Ритуальная функция идеологической идентификации приближает авторский текст к нормативной идеологической позиции официального дискурса. Однако одновременно с этим сближением идеологически «правильный» смысл нередко размывается из-за несоответствия формы письма строгой литературной и идеологической норме.

Мы сохраняем в цитируемых текстах авторскую орфографию, пунктуацию и стилистику. Письменные тексты «простого человека» могут вызывать улыбку, а то и смех у просвещенного читателя. И. В. Шалина, посвятившая свою монографию исследованию просторечия как типа лингвокультуры, определяет речевую манеру носителя просторечия так: «пишет, как говорит» [Шалина, 2009, с. 44]. Действительно, многих авторов проанализированных нами воспоминаний можно отнести к этому типу куль-

туры: в их записях обнаруживаются многочисленные орфографические, пунктуационные, грамматические и стилистические отклонения от литературного языка. Разумеется, эти ошибки не являются намеренными и не замечаются пишущим. Изучая эти тексты в постсоветскую эпоху, мы обретаем более широкую оптику, выходя за пределы анализа намерений автора. С позиции дискурс-анализа нам важно зафиксировать, как идеологически правильный смысл воплощается в «ошибочной» письменной форме речи. Результатом расхождения между правильным идеологическим содержанием и неправильной письменной речью является «коррозия» официального советского дискурса, его ненамеренное и почти незаметное раскачивание. Это и есть незаметное участие «простых людей» в «перформативном сдвиге», характерном для официального советского дискурса позднесоветского периода, о котором пишет А. Юрчак.

Один из обязательных идеологических ритуалов — обращение к образу В. И. Ленина, хотя часто ленинские слова воспроизводятся неточно: *Этот человек говорил о Ленине. Ленин сказал, что земля будет отдана крестьянам, буржуев не будет. Я тогда впервые слышал имя Владимира Ильича Ленина* [Бакиров, с. 3]. А в тексте другого автора, также упоминающего Ленина, разговорное фразеологическое сочетание *«так оно и вышло на этот раз»* придает высказыванию добавочный смысл однократности. Возможно, авторский замысел и состоит в том, чтобы подчеркнуть величие ленинской цитаты о закономерности победы над капитализмом: *По определению В. И. Ленина народ сбросивший оковы капитализма способен творить чудеса в истории своей жизни — так оно и вышло на этот раз* [Серяпин, 1966, с. 9]. Однако, несмотря на идеологически верный пересказ слов Ленина, такая фраза не могла быть опубликована ни в заводской многотиражке, ни в книге об истории Уралмаша по причине того, что вызывает незапланированный комический эффект. Речь идет о том, что отклонение от орфографических и пунктуационных правил, от стилистических и грамматических норм, перефразирование классических цитат, невольная трансформация идеологического смысла — все эти дискурсивные практики не позволяют текстам полностью соответствовать официальному советскому дискурсу.

4. Строительство Уралмашзавода как дискурсивное событие: идеологические причины, цели, руководители

В дискурсе Фонда первостроителей Уралмаша начало строительства завода размыто во времени. Точностью обладает только идеологически мотивированная дата, связанная с локальными событиями гражданской

войны. 15 июля 1919 года войска Красной Армии заняли Екатеринбург и оттеснили армию Колчака в сторону Омска. Это событие было названо «День освобождения Урала от Колчака», получило статус советского праздника и к 1922 году стало официальным местным нерабочим днем. В связи с этим такие события, как основание завода (15 июля 1928 г.) и его пуск (15 июля 1933 г.), были приурочены к этой дате. К 1970-м годам то, что дата основания завода приурочена к событиям гражданской войны, практически забыто в официальном дискурсе, но в дискурсе Фонда эти практики именования событий сохраняют актуальность: *В девятую годовщину освобождения Урала от Колчака, 15 июля 1928 года, была произведена закладка Уралмашзавода. Этот день был избран не случайно: завод родился на земле обильно политой кровью красноармейцев из прославленной дивизии Азина, очистившей центр Урала от белогвардейцев* [Копытов, 1968, с. 1]. Несмотря на выраженную локальную идентификацию уралмашевцев, заводская идентичность должна иметь крепкие связи со страной в целом. Интеграция Уралмашзавода со страной обеспечивается с помощью практик идеологической идентификации.

Во-первых, причины строительства обосновываются идеологически, для чего используются публицистические клише и их вариации: *по решению партии и правительства; по воле партии и советского народа; по призыву партии советского правительства* и под. Во-вторых, идеологически оформляется цель строительства: *с огромным подъемом взялись за выполнение плана первой пятилетки и Решений ЦК ВКП (б) по строительству Уралмашзавода* [Серяпин, 1966, с. 1]. Это знакомый дискурсивный ход при описании модернизации страны, о чем пишет социолог Борис Дубин: «Идеология модернизации в советском варианте выступает в формах государственно-централизованной мобилизации, требующей со стороны индивида унифицированной идентификации с символическим целым, предельно общим коллективным “мы”. Ось структуризации этого целого — вертикаль иерархического господства-подчинения» [Дубин, 2010, с. 198]. В дискурсе вершиной иерархии предстает партия как коллективный субъект, причем исторически точное обозначение *ВКП (б)* используется наравне с современным для авторов *КПСС*.

Коллективный субъект практически не персонифицируется в руководителе партии, хотя в публицистике это довольно стандартный метонимический прием [Чудинов, 2018]. В дискурсе первостроителей нет упоминаний ни Сталина, ни Хрущева, ни Брежнева.

Управляющий строительством А. П. Банников — человек, которого многие авторы знали лично, — в воспоминаниях описывается по-

человечески тепло и высоко оценивается профессионально, а его партийная принадлежность фиксируется нечасто. Возможно, идеологические формулы в этом случае оказываются слишком узкими для личной памяти. В текстах его имя связывается с символическим целым Партии, подчеркивается, что строительство завода продолжалось благодаря Банникову и заводской парторганизации: *А. П. Банников и, тогда еще небольшая партийная организация выиграли это неоткрытое сражение. Банников добился встречи с Куйбышевым и Орджоникидзе и получил от них добро на финансирование стройки* [Архипов, 1981, с. 6]. Главным представителем партийного коллективного субъекта выступает имя Серго Орджоникидзе, который в период строительства Уралмашзавода был наркомом тяжелой промышленности. В 1955 году на площади Уралмашзавода был открыт памятник Серго Орджоникидзе, так что его имя официально включено в историю Уралмашзавода и закреплено местом памяти.

И еще два имени из партийного пантеона принимают на себя связующую роль с партией и страной в целом. Первое имя — А. М. Горький. Это имя многократно упоминается в текстовых фрагментах о том, «как Горький прислал телеграмму» на открытие завода. По словам работника Музея истории Уралмашзавода С. С. Агеева, сама телеграмма отсутствует в архиве музея, поэтому остается неизвестным, была ли она прислана на открытие завода или ее текст только был опубликован в центральной прессе. Зато слова из нее активно повторялись в заводских праздничных докладах и плакатах. Приведем ее полностью: «Горячий привет строителям Уралмашстроя! Вот пролетариат-диктатор создал ещё одну могучую крепость, возвёл ещё одно сооружение, которое явится отцом многих заводов и фабрик. С каждым месяцем, с каждым годом рабочая энергия всё более мощно и грандиозно воплощается в жизнь, творя чудеса трудового героизма. Ещё два, три года усилий — и вы, товарищи, явитесь непобедимыми для всех врагов, которые уже и теперь боятся нас. Прекрасную жизнь строите вы, счастливы сказать вам это от всей души! Желаю вам доброго здоровья, неиссякаемой бодрости духа, крепкой дружбы. Ваш всей душой М. Горький» [Горький, 1956]. В дискурсе первостроителей этот текст цитируется не полностью, воспроизводится только второе предложение, иногда теряется приложение диктатор к слову *пролетариат*. А выражение отец заводов стало устойчивым и превратилось в клише. Широкое распространение слов Горького выполняет важную функцию: дискурсивно закрепляет связь уральского завода с историей страны.

Второе имя — М. И. Калинин, это имя так же, как и имя Серго Орджоникидзе, закреплено местом памяти — вблизи от центральной проход-

ной Уралмашзавода находится улица Калинина. В следующем фрагменте встреча с Калининым описывается как яркое событие жизни. Сегодня, когда имя уже не излучает партийный свет, неизбежно возникает контраст между обыденными словами Калинина и яркостью воспоминания: *Самое хорошее впечатление мне запомнилось это когда в 1933 году к нам на Уралмашзавод приезжал Михаил Иванович Калинин. Я имела счастье говорить с ним, была очень рада когда он подошел ко мне к молодой девчонке-работнице. В 1933 году по коридору завода машины не ходили. Михаил Иванович ехал на лошадке, поравнялся со мной, кучер остановил лошадку и Калинин подошел ко мне, я сидела около цеха и ела французскую булку. Михаил Иванович поздоровался и спросил где и кем я работаю, я ответила в инструментальном цехе фрезеровщицей, а что здесь сидишь, ответила, что у нас обеденный перерыв, а почему не в столовой обедаешь, я стесняюсь в столовой обедать, он говорит, что ни в коем случае нельзя в сухомлятку есть, нужно хотя бы чаем припивать, а то желудок будет болеть, вот так девочка. Ну досвидания. Еще погрозил пальцем, что нельзя есть всухомлятку* [Бояршинова, 1983, с. 2].

Коллективный субъект «коммунистическая партия», который направляет строительство и руководит строительством завода, в текстах конкретизируется посредством отсылок к партийным органам рангом значительно ниже: *Решением* (заводского. — Л. Е., Н. Г.] *комитета ВЛКСМ я был рекомендован в Механический № 1 в качестве слесаря бригадира комсомольской бригады сборщиков* [Аникеев, 1983, с. 1]. В дискурсе наблюдается стяжение партийной иерархии: партия и правительство и сразу заводская парторганизация, что передает прежде всего высокую значимость для авторов заводской партийной, в том числе комсомольской, организации, от которой работник зависит гораздо больше, чем от высших партийных органов.

Роль заводской партийной организации нередко сводится к контролирующей функции в профессиональной деятельности: *В строительстве водоснабжения на пром-площадке завода хочется отметить роль тов. Павлова А. Т., Балакшина М. П. и Ступникова М. З. — именно они под неослабленным контролем, — тогда молодой партийной организации, вложили, так много инженерного труда, чтобы успешно проложить все подземные трассы к строящимся цехам завода и жилым домам поселка* [Серяпин, 1966, с. 13].

Идеологически «правильным» подается даже весь производственный процесс: *Чертеж поступил в цех. Он попадает в руки комсомольцу и дальше идет по комсомольским рукам — в плановое бюро, в эскизное отделе-*

ние, к модельщикам, к фрезеровщикам. Даже на складе и там он попадает в руки комсомольцам. Это единый комсомольский конвейер [Жуков, с. 44].

В то же время в фонде есть записи, авторы которых сосредоточены исключительно на описании трудового процесса, принципах работы инженеров и рабочих и их достижениях при решении профессиональных задач, идеологическая составляющая в таких текстах отсутствует. Ярким примером такого изложения является самостоятельно переплетенная книга А. П. Осипова «Записки старого уралмашевца». По всей видимости, некоторые заводчане переписывались между собой на тему сбора воспоминаний для музея, так как в фонде есть письма, направленные руководству музея, в них есть собственные воспоминания и критика чужих. Так, оценки сугубо профессиональных качеств коллег, упоминаемых в записях, при игнорировании заслуг партии вызывают цензурирующие замечания от товарищей как отступление от ожидаемого, нормативного изложения о строительстве завода. А. Х. Карлин начинает свое письмо, адресованное «Совету Музея УЗТМ», словами: *Мною получено письмо гражданина Осипова на 12 страницах в котором он напоминает мне о памяти* [Карлин, 1976, с. 1]. Далее Карлин высказывает возмущение в отношении того, что в тексте А. П. Осипова нет упоминаний о *партийной, комсомольской и профсоюзной организации. И мне очень жаль, что гр. Осипов не назвал ни одного передовика. Не вольно возникает мысль кто же в те времена завоевал три переходящих знамени? А монтажная контора — ее коллектив был передовым на УМС трижды краснознаменным. Чья же была организующая роль в коллективе? Разумеется партийной, комсомольской и профсоюзной организации. По письму гр. Осипова партийной организации не было, не было ее партийного влияния на весь ход монтажно-строительных работ* [Карлин, 1976, с. 3]. В этом заочном диалоге мы видим две версии того, кто оказывал большее влияние на строительство завода. С точки зрения дискурс-анализа в этом случае мы обнаруживаем конкуренцию профессиональных и идеологических практик, участвующих в конструировании дискурсивного концепта «заводская идентичность». В анализируемом дискурсе в целом идеологические практики количественно превалируют.

В дискурсе строительство завода прочно связано с идеологическим смыслом выполнения задач, поставленных руководством партии и страны. Партия как коллективный субъект наделяется руководящей и контролирующей функцией. В дискурсивных практиках описания строительства Уралмаша отступлений от советских идеологических клише не наблюдается. Но значимым является и то, что в ряде текстов нет отсылок к идеологи-

ческим практикам. Это не говорит о явной или скрытой оппозиционности советскому официальному дискурсу. Скорее, отсутствие идеологической составляющей свидетельствует о более высокой значимости профессиональной самоидентификации для конкретного автора.

5. Враги народа и «кривое горе»

Советская идеология, как и любая другая, сформировала образ врага, как внутреннего, так и внешнего. По мысли Л. Гудкова, «как бы семантически ни различались те или иные виды образов или топики “врагов”, их главная функция — нести представления о том, что является угрозой самому существованию группы» [Гудков, 2005, с. 14]. Во многих текстах фонда о врагах не упоминается вовсе, и воспоминания посвящены исключительно социалистическим достижениям или заводской повседневности. Иными словами, в 1970—1980-е практики конструирования врагов не являются центральными для заводской идентичности. Тем не менее практики конструирования образа врага занимают заметное место в дискурсе Фонда первостроителей Уралмаша.

По временным характеристикам образ врага связан с периодом строительства и первых лет работы завода. Воспоминания писались в 1970—1980-е годы, и авторы, рассказывая о прошлом, часто употребляют клише текущего для них момента и пишут *КПСС* вместо *ВКП (б)*, *коммунист* вместо *большевик*, *Уралмаш* вместо *Уралмашинстрой* и пр., то есть современные авторам практики говорения побеждают прошлый речевой опыт. Но если тематизируется образ врага, то обнаруживается крайне интересная закономерность, заключающаяся в том, что неизменно сохраняется язык советских газет 1930-х: *агенты империализма, классовые враги, предатели родины, враги народа*. Можно сказать, что такие рассуждения основаны не на личном опыте, поэтому идеологические формулы являются полностью присвоенными из официального дискурса. *Теперь, спустя полвека, мало кто знает, что агенты французского империализма, сгруппировавшиеся в «Промышленную партию» задержали строительство и Уралмашзавода на 2 года, как они сами потом утверждали на суде. Они затевали бесконечные изменения проектной мощности, приостанавливали строительство и пытались законсервировать его, предлагали перенести его в другой город. ... в 1930 году эти трудности были позади* [Архипов, 1981, с. 6].

Тематические фрагменты, в которых сконструирован образ врага, включают личные переживания; угроза представлена исходящей от врагов, направленной на завод и коллектив в целом; враги не персонифицируются:

Враги народа засевишие на Уралмаше пытались разрушить и уничтожить наш завод. Они подожгли кузнечнопрессовый цех, нанесли большой материальный урон заводу. Но они не смогли уничтожить волю, мужество здорового коллектива уралмашзавода. Враги с помощью рабочих были пойманы с поличным, которые понесли заслуженное наказание, были расстреляны как подлые предатели советского народа, как агенты иностранного империализма [Чернов, 1981, с. 6].

Многие авторы завершают свои истории 1933—1934 годами. Если на этом месте их текст не заканчивается, то они переходят к воспоминаниям о работе завода в военные годы. Такой скачок от одного периода к другому, с одной стороны, продиктован заданными анкетой вопросами, а с другой — свидетельствует, что идеологически неоднозначная тема арестов работников завода в 1930-е годы не обсуждается, а вызывает к жизни практики умолчания. Елена Рождественская, занимаясь исследованием нарратива жертв насилия, объясняет это психологическими причинами: «Следствием травматичного жизненного опыта становится фрагментация рассказов. Физическое и психическое разрушение среды и самих рассказчиков отражается в нарушенном чувстве целостности и непрерывности. Пережитая жизненная история фрагментирует, разрывает сознание этих людей и взаимосвязь между различными фазами жизни. Целые этапы жизни тонут в непроговоренности» [Рождественская, 2009, с. 110]. Наши авторы воспоминаний не являются жертвами, напротив, им повезло, политические репрессии их не задели, они остались в группе идеологически благонадежных, но травматичные воспоминания есть и у них.

В монографии «Кривое горе: память о непогребенных» Александр Эткинд пишет, что ошибочно думать об отсутствии в публичном пространстве памяти о репрессиях 1930-х годов, и показывает, как эта память растворяется в научных работах, на первый взгляд далеких от темы политического насилия и посвященных средневековью, в популярных кинофильмах, в том числе трагедиях С. Козинцева и комедиях Э. Рязанова, в песнях В. Высоцкого, стилизованных под лагерный колорит и пр. — все это и есть «кривое горе», подспудное формирование механизмов памяти и скорби о политическом насилии в советском обществе [Эткинд, 2016].

Попытки проговорить травматичный опыт приобретают особую ценность на фоне практик умолчания о политическом насилии. В нашем дискурсе встречаются редкие мемораты о близких коллегах, которые были арестованы, обвинены во вредительстве, расстреляны или отправлены в лагерь, а в 1950-е реабилитированы. Можно выделить три способа включения темы жертв политического насилия в текст воспоминаний.

Первый — иногда в текстах при перечислении соратников присутствуют и имена репрессированных. Эти имена оказываются внутри списка, никак не выделены, о том, что это жертвы репрессий, мы можем понять только исходя из внедискурсивного контекста. Но даже сам факт включения имен жертв политического насилия в историю строительства завода есть робкая попытка выразить скорбь по соратникам. Второй способ — имена репрессированных не только названы, но и сопровождаются позитивной моральной или профессиональной характеристикой, опять же без упоминания о факте ареста и реабилитации человека. Третий способ — названо имя, дана позитивная характеристика, и сказано об аресте и о судьбе после осуждения.

Наиболее полно третий способ представлен в подробных воспоминаниях А. П. Осипова, этим людям и их вкладу в строительство завода посвящено несколько страниц. В отличие от практик конструирования образа врага, практики описания жертв политического насилия содержат разговорную эмоциональную лексику: *В это время был арестован Шах Музафаров, а спустя незначительное время за ним ушел и А. И. Таганов. Из рук валилась работа при мысли, что этих людей уже нет на заводе. Как их было жаль. Но работа продолжалась и шла своим порядком* [Осипов, 1975, с. 117]. Но нельзя не заметить, что аресты вписаны в повседневность, они становятся в череду жизненных неудач и тем самым не получают статуса исключительного события: *Был арестован В. И. Попов, собирался уходить С. Г. Климашевский. И вот я снова на ТЭЦ, но уже в должности начальника тепломонтажной группы УКСа. Из моих близких товарищей здесь никого уже не было. Шах Музафаров и Андрияша Таганов — арестованы и куда-то высланы. Володя Усков работал в «Котлотурбине», простудился на охоте и умер от туберкулеза. Уехал НРЗБ в Орехово-Зуево и там тяжело заболел. Перевели под Москву на какой-то завод Мишу Борисова, а через некоторое время по каким-то обстоятельствам он сам решил уйти из жизни. После непродолжительной работы и ухода с ТЭЦ А. В. Жеденева, сменилось уже несколько начальников ТЭЦ* [Там же: с. 121—122].

Приведем фрагмент из текста А. Н. Чернова, в котором упоминается Л. Л. Авербах, советский критик, член Союза писателей СССР, парторг Уралмашзавода, неоднозначно оцениваемая историками личность: *Попутно с этим несколько хочется сказать в отношении Авербаха. Он работал с начало парторгом ЦК на заводе, а впоследствии партком перминовали в районный комитет партии и он был его первым секретарем. Работал в этой должности недолго с 1934—1937г. В 1937 году был арестован и расстрелян, а впоследствии либеритирован, оправдан, оправдан посмер-*

тно. Авербах был человек высокой культуры, высокообразованный, спыльчивый, скоро отходящей и по своей натуре был добрый, если кого в горяче обидет, то когда отойдет пожалеет и извинится [Чернов, 1981, с. 7].

Дискурсивная неразработанность темы репрессий подтверждается выбором страдательных конструкций *был арестован, расстрелян, оправдан*, которые позволяют избежать указания на субъекта, производящего арест, на причины ареста, его цели. Это тем более заметно по сравнению с разработанностью идеологического описания события строительства завода.

6. Выводы

В дискурсе фонда первостроителей Уралмаша выделен дискурсивный концепт «заводская идентичность». Одним из ведущих тематических направлений, участвующих в формировании этого концепта, является идеологическая тематика. Стабильная повторяемость идеологических смыслов связана с реализацией ритуальной функции, ставшей необходимой для позднесоветского дискурса в целом, и с интегративной функцией, актуализирующей связь с партией и страной как символическим целым. Дискурсивные практики описания строительства завода прочно связаны с идеологическим смыслом достижения целей и выполнения задач, поставленных руководством партии и страны. Идеологическая идентификация может переплетаться с профессиональной и служить для позитивной оценки коллег. Практики, конструирующие образ врага, содержат идеологические формулы из языка газет 1930-х годов, образ врага и исходящая от него угроза носят абстрактный характер, личные переживания в таких тематических фрагментах не фиксируются. Перечисленные практики идеологической идентификации метафорически понимаются нами как «прямой маршрут», соответствующий линии партии, в конструировании заводской идентичности работников Уралмаша.

Вынесенная в заголовок метафора «почти прямой маршрут» позволяет нам подчеркнуть, что в привычных повторениях идеологических смыслов нередки невольные перефразирования ленинских цитат и не запланированные автором многочисленные ошибки при передаче идеологических смыслов, что ведет к размыванию строгих идеологических клише. Также к элементам эрозии официального советского дискурса мы относим способы включения темы жертв политических репрессий, потому что об этом не принято было говорить публично. Но благодаря личной памяти коллег имя человека дискурсивно возвращается в историю завода и его коллектив, будучи в прошлом исключенным из нее по политическим / идеологическим причинам. В позднесоветский период точное воспроизведение идеологиче-

ских маркеров, клише и одобренных тем — система, требующая специальных компетенций. Наши авторы ориентируются на знакомые и доступные их коммуникативному опыту дискурсивные практики советского официального дискурса, но полностью им соответствовать не могут в силу разных причин, установление которых не входило в наши задачи в данной работе.

Источники

1. *Аникеев Ф. П.* Воспоминания : рукопись. — 1983. — 7 с. / Ф. П. Аникеев // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
2. *Аникеева М. С.* Воспоминания Аникеевой Марии Семеновны : рукопись. — 1968. — 12 с. / М. С. Аникеева // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
3. *Архипов А. В.* Были Уралмаша : машинопись. — 1981. — 77 с. // А. В. Архипов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
4. *Бакиров Б. У.* Рукопись. — [без даты]. — 11 с. / Б. У. Бакиров // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
5. *Бояршинова С. И.* Воспоминания : рукопись. — 1983. — 4 с. / С. И. Бояршинова // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
6. *Жуков С.* Первенец (записки комсомольца-строителя) : машинопись. — [без даты]. — 48 с. / С. Жуков // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
7. *Калюш Н. Г.* [Без названия] : машинопись. — 1969. — 10 с. / Н. Г. Калюш // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
8. *Карлин А. Х.* Письмо Совету музея УЗТМ : рукопись. — 1976. — 10 с. / А. Х. Карлин // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
9. *Копытов Г. Т.* Воспоминания члена производственно-бытовой коммуны УМС : машинопись. — 1968. — 19 с. / Г. Т. Копытов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
10. *Осипов А. П.* Записки старого уралмашевца : машинопись. — 1975. — 125 с. / А. П. Осипов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
11. *Серяпин А. А.* Воспоминания о развитии водоснабжения на УЗТМ : рукопись. — 1966. — 15 с. / А. А. Серяпин // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
12. *Сомов С. Н.* Как я стал членом коммунистической партии : рукопись. — [без даты]. — 59 с. / С. Н. Сомов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
13. *Фонд первостроителей Уралмаша : 1967—1984* (хранится в Музее истории Уралмашзавода, Екатеринбург).
14. *Чернов А. Н.* Воспоминание написанное Ветераном Комсомола, Партии и Труда : рукопись. — 1981. — 40 с. / А. Н. Чернов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — Москва : Медиум, 1995. — 323 с.

2. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / Р. Брубейкер. — Москва : Высшая школа экономики, 2012. — 408 с.
3. *Гинзбург Е. С.* Крутой маршрут : Хроника времен культа личности / Е. С. Гинзбург. — Москва : Советский писатель, 1990. — 608 с.
4. *Голубев А.* Экс-позиция письма : о правилах чтения чужой переписки / А. Голубев, С. Ушакин // XX век : Письма войны. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — С. 8—21
5. *Горький А. М.* Приветствие Уралмашстрою [Электронный ресурс] / А. М. Горький // Собрание сочинений : в 30 т. — Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1949—1956. — Режим доступа : <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-304.htm> (дата обращения 20.06.2020).
6. *Грамагчигова Н. Б.* Время и пространство воспоминаний заводчан в конструировании коллективной идентичности первостроителей Уралмаша / Н. Б. Грамагчигова, Л. В. Енина // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 55—75. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-55-75.
7. *Гудков Л.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции / Л. Гудков // Образ врага. — Москва : ОГИ, 2005. — С. 7—79.
8. *Дубин Б.* О невозможности личного в советской культуре (проблемы автобиографирования) / Б. Дубин // Классика после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре : сборник статей. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — С. 197—207.
9. *Енина Л. В.* Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации / Л. В. Енина // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6. — С. 159—167.
10. *Енина Л. В.* Зачем нужны цитаты из советских газет в автобиографических текстах? / Л. В. Енина // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2019. — № 3. — С. 49—55.
11. *Козлова Н. Н.* Советские люди. Сцены из истории / Н. Н. Козлова. — Москва : Европа, 2005. — 544 с.
12. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с.
13. *Лаппо М. А.* Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы / М. А. Лаппо. — Новосибирск : НГПУ, 2013. — 180 с.
14. *Рождественская Е.* Словами и телом: травма, нарратив, биография / Е. Рождественская // Травма: пункты : сборник статей. — Москва : Новое литературное обозрение, 2009. — С. 108—132.
15. *Савкина И. Л.* Теория и практики автобиографического письма / И. Л. Савкина // Новое литературное обозрение. — 2008. — № 4. — С. 284—289.
16. *Сандомирская И. И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик / И. И. Сандомирская. — Wien, 2001. — 286 с.
17. *Ушакин С.* Разложение тотальности: объектализация позднего социализма в постсоветских биохрониках / С. Ушакин // Новое литературное обозрение. — 2013. — № 3. — С. 221—258.
18. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 336 с.
19. *Фуко М.* Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. — Москва : Касталь, 1996. — С. 47—97.

20. *Чепкина Э. В.* Журналистский дискурс: анализ практик / Э. В. Чепкина, Л. В. Енина // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2011. — Т. 89, № 2. — С. 76—85. Journalistic discourse: practices analysis

21. *Чудинов А. П.* Российская лингвополитическая персонология : исследование дискурса политических лидеров / А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 14—31. — DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31.

22. *Шалина И. И.* Уральское городское просторечие : культурные сценарии / И. И. Шалина. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2009. — 444 с.

23. *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 496 с.

24. *Штудер Б.* Сталинские партийные кадры : практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. / Б. Штудер, Б. Уинфред; пер. с нем. И. А. Золотарёва. — Москва : Фонд Президентский центр Б. Н. Ельцина : РОССПЭН, 2011. — 246 с.

25. *Эткинд А.* Кривое горе = Warped mourning : Память о непогребенных / А. Эткинд. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — 328 с.

26. *Юрчак А.* Это было навсегда пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 664 с.

ALMOST “DIRECT ROUTE”: IDEOLOGICAL MEANINGS IN THE CONSTRUCTION OF THE FACTORY IDENTITY OF URALMASHPLANT WORKERS¹

© **Lidia V. Enina (2020)**, orcid.org/0000-0003-2073-9948, PhD in Philology, Associate Professor, Russian Language and Stylistics Department, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), Enina.lidia@gmail.com.

© **Natalia B. Gramatchikova (2020)**, orcid.org/0000-0002-2585-7399, ResearcherID T-5823-2017, ScopusID 57189445810, SPIN 8460-0578, PhD in Philology, Senior Researcher, Center for Literary History, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), n.gramatchikova@gmail.com.

The article is devoted to the study of factory identity based on the material of autobiographical texts of Uralmash workers written in 1967—1984. The novelty of the research is in the theoretical approach to identity as a discursive concept, which is structured by systematically recurring themes in personal narratives. The main focus is on ideological meanings in autobiographical texts. Their ritual and integrative functions are established, which are realized in the analyzed texts. The leading role of ideological meanings in describing the construction of a plant and in constructing the image of the enemy and the threat posed by it for the plant and the collective is shown. The ways to include memoirs of the theme of victims of political violence

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00553A “First Builders as a Performative Project: Constructing the Discursive Identity of Ural Workers in Texts from the 1930s and 1970s”.

in the 1930s in the texts and to restore their names in the factory biography are discussed in the article. It is proved that the introduction of the theme of victims of political repression, as well as ritual formulas of ideological loyalty, reproduced by naive authors with involuntary distortions and deviations from the norms of written literary speech, results, among other things, in “corrosion” of the Soviet official discourse and is one of the factors that led to the “performative shift” characteristic of the late Soviet era. The analyzed text material has not previously been the object of research.

Key words: identity; identification; discursive practices; autobiographical text; Uralmash.

MATERIAL RESOURCES

- Anikeev, F. P. (1983). Vospominaniya: rukopis' [Memories: manuscript]. 7 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).
- Anikeeva, M. S. (1968). Vospominaniya Anikeevoy Marii Semenovny: rukopis' [Memories of Maria Semyonovna Anikeeva: manuscript]. 12 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).
- Arkipov, A. V. (1981). Byli Uralmasha: mashinopis' [Were Uralmash: typescript]. 77 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).
- Bakirov, B. U. Rukopis' [Manuscript]. 11 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).
- Boyarshinova, S. I. (1983). Vospominaniya: rukopis' [Memories: manuscript]. 4 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).
- Chernov, A. N. (1981). Vospominanie napisannoe Veteranom Komsomola, Partii i Truda: rukopis' [Remembrance written by the Veteran of the Komsomol, Party and Labor: manuscript]. 40 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).
- Fond pervostroiteley Uralmasha: 1967—1984. Muzei istorii Uralmashzavoda, Ekaterinburg.* [Uralmash Pioneer Fund: 1967—1984. Uralmashplant History Museum, Yekaterinburg]. (In Russ.).
- Kalyush, N. G. (1969). Mashinopis' [Typescript]. 10 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).
- Karlin, A. Kh. (1976). Pis'mo Sovetu muzeya UZTM: rukopis' [Letter to the Council of the UZTM Museum: manuscript]. 10 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).
- Kopytov, G. T. (1968). Vospominaniya chlena proizvodstvenno-bytovoy kommuny UMS: mashinopis' [Memoirs of a member of the UMC industrial and household commune: typing]. 19 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

- Osipov, A. P. (1975). Zapiski starogo uralmashevtsa: mashinopis' [Notes of an old Uralmash worker: typescript]. 125 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).
- Seryapin, A. A. (1966). *Vospominaniya o razvitii vodosnabzheniya na UZTM: rukopis'* [Memories of the development of water supply at UZTM: manuscript]. 15 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).
- Somov, S. N. Kak ya stal chlenom kommunisticheskoy partii: rukopis' [How I became a member of the Communist Party: a manuscript]. 59 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).
- Zhukov, S. Pervenets (zapiski komsomoltsa-stroitel'ya): mashinopis' [Firstborn (notes of a Komsomol-builder): typescript]. 48 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

REFERENCES

- Berger, P., Lukman, T. (1995). *Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moskva: Medium. 323 p. (In Russ.).
- Brubeyker, R. (2012). *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki. 408 p. (In Russ.).
- Chepkina, E. V., Enina, L. V. (2011). Zhurnalistskiy diskurs: analiz praktik [Journalistic discourse: practices analysis]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Izvestia Ural Federal University journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], 89 (2): 76—85. (In Russ.).
- Chudinov, A. P., Nakhimova, E. A., Nikiforova, M. V. (2018). Rossiyskaya lingvopoliticheskaya personologiya: issledovanie diskursa politicheskikh liderov [Russian linguopolitical personology: political leaders' discourse]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta Druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics], 9 (1): 14—31. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31. (In Russ.).
- Dubin, B. (2010). O nevozmozhnosti lichnogo v sovetskoy kulture (problemy avtobiografirovaniya) [On the impossibility of the personal in Soviet culture (problems of autobiography)]. In: *Klassika posle i ryadom: sotsiologicheskie ocherki o literature i kulture: sbornik statey* [Classics after and next: sociological essays on literature and culture: collection of articles]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 197—207. (In Russ.).
- Enina, L. V. (2016). Identichnost' kak diskursivnyy kontsept i mekhanizmy diskursivnoy identifikatsii [Identity as a discursive concept and mechanisms of discursive identification]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 6: 159—167. (In Russ.).
- Enina, L. V. (2019). Zachem nuzhny tsitaty iz sovetskikh gazet v avtobiograficheskikh tekstakh? [Why do we need quotes from the soviet newspapers in autobiographical texts?]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1: Problemy*

- obrazovaniya, nauki i kultury* [Izvestia Ural Federal University journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], 3: 49—55. (In Russ.).
- Etkind, A. (2016). *Krivoye gore. Pamyat' o nepogrebennykh* [Warped mourning. Memory of the unburied]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russ.).
- Fitspatrik, Sh. (2008). *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: city]. Moskva: ROSSPEN. 336 p. (In Russ.).
- Fuko, M. (1996). Poryadok diskursa [Discourse order]. In: *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. Moskva: Kastal. 47—97. (In Russ.).
- Ginzburg, E. S. (1990). *Krutoy marshrut: Khronika vremen kulta lichnosti* [Cool route: Chronicle of the times of the personality cult]. Moskva: Sovetskiy pisatel. 608 p. (In Russ.).
- Golubev, A., Ushakin, S. (2016). Eks-pozitsiya pis'ma: o pravilakh chteniya chuzhoy perepiski [The ex-position of the letter: about the rules of reading someone else's correspondence yusch]. In: *XX vek: Pis'ma voyny* [20th Century: Letters of War]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 8—21. (In Russ.).
- Gorkiy, A. M. (1949—1956). Privetstvie Uralmashstroyu [Greetings to Uralmashstroy yusch.]. In: *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected works: in 30 vol.]. Moskva: Gos. izdvo khudozh. lit. Available at: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-304.htm> (accessed 20.06.2020). (In Russ.).
- Gramatchikova, N. B., Enina, L. V. (2020). Vremya i prostranstvo vospominaniy zavodchan v konstruirovani kolektivnoy identichnosti pervostroyiteley Uralmasha [Time and Space of Memories of Factory Workers in Construction of Collective Identity of First Uralmash Builders]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 7: 55—75. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-55-75. (In Russ.).
- Gudkov, L. (2005). Ideologema «vraga»: «Vragi» kak massovyy sindrom i mekhanizm sotsio-kulturnoy integratsii [The ideologeme of the “enemy”: “Enemies” as a mass syndrome and a mechanism of sociocultural integration]. In: *Obraz vraga* [Enemy image]. Moskva: OGI. 7—79. (In Russ.).
- Kozlova, N. N. (2005). *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history]. Moskva: Evropa. 544 p. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics]. Moskva: Gnozis. 284 p. (In Russ.).
- Lappo, M. A. (2013). *Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy* [Self-identification: semantics, pragmatics, language resources]. Novosibirsk: NGPU. 180 p. (In Russ.).
- Rozhdestvenskaya, E. (2009). Slovmi i telom: travma, narrativ, biografiya [With words and body: trauma, narrative, biography yusch]. In: *Travma: punkty: sbornik statey* [Trauma: points: collection of articles]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 108—132. (In Russ.).
- Sandomirskaya, I. I. (2001). *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik* [A book about the Motherland. Experience in analyzing discourse practices]. Wien. 286 p. (In Russ.).
- Savkina, I. L. (2008). Teoriya i praktiki avtobiograficheskogo pis'ma [Theory and practice of autobiographical writing]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 4: 284—289. (In Russ.).

- Shalina, I. I. (2009). *Uralskoe gorodskoe prostorechie: kulturnye stsenarii* [Ural urban vernacular: cultural scenarios]. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta. 444 p. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2002). *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitelnost'* [Russian language and non-linguistic reality]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 496 p. (In Russ.).
- Shtuder, B., Uinfred, B. (2011). *Stalinskie partiynye kadry: praktika identifikatsii i diskursy v Sovetskom Soyuze 1930-kh gg.* [Stalinist Party Cadres: Identification Practices and Discourses in the Soviet Union in the 1930s]. Moskva: Fond Prezidentskiy tsentr B. N. Yeltsyna; ROSSPEN. 246 p. (In Russ.).
- Ushakin, S. (2013). Razlozhenie totalnosti: obyektalizatsiya pozdnego sotsializma v post-sovetskikh biokhronikakh [Decomposition of Totality: Objectalization of Late Socialism in Post-Soviet Biochronicles]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 3: 221—258. (In Russ.).
- Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoye pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p. (In Russ.).